

Мышцын В. Н. Из периодической печати: К истории церковно-преобразовательного движения. Веротерпимость и церковный собор // Богословский вестник 1905. Т. 2. № 6. С. 359–383 (2-я пагин.).

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

V.

Къ исторіи церковно-преобразовательнаго движенія.

Вопросъ о реформѣ въ комитетѣ министровъ. Записка м. Антонія. Записка С. Ю. Витте. Перенесеніе дѣло о реформѣ въ Св. Синодъ. Записка К. П. Побѣдоносцева и отвѣтъ на нее С. Ю. Витте. Записка 32 священниковъ. Постаиовленіе Св. Синода. Московскія Вѣдомости и докладъ М. Новоселова. Резолюція Государя.

Церковно-преобразовательное движеніе сдѣлало лишь первые шаги, но настолько крупныя, что дѣло церковной реформы стало теперь ужь вопросомъ времени. Чтобы идти далѣе вѣрнымъ путемъ, полезно взглянуть на то, что уже пройдено, тѣмъ болѣе что первые шаги, предпринятые инициаторами церковной реформы, не были встрѣчены всеобщимъ сочувствіемъ печати и общества. Въ виду этого мы попытаемся уяснить здѣсь ходъ тѣхъ церковныхъ событій, итогъ которымъ подведенъ резолюціей Государя, данной 31 марта. Насколько это доступно постороннему наблюдателю, располагающему газетными извѣстіями (*Разсвѣтъ* № 23, *Слово* за 24 и 29 марта, *Нов. Время* за 6 апр. и др.) и обнародованными уже документами, дѣло представляется въ такомъ видѣ.

По окончаніи разсужденій по вопросамъ о положеніи сектанства и иновѣрія въ Особомъ Совѣщаніи комитета министровъ, въ присутствіи митрополита Антонія и товарища оберъ-прокурора В. К. Саблера, предсѣдатель совѣщанія С. Ю. Витте сказалъ краткую рѣчь, въ которой ярко отгвнилъ ту несомнѣную мысль, что теперь, когда Высочайшею волею будетъ дана свобода иновѣрію, православной церкви, стѣсненной тяжелой опекой свѣтской власти, будетъ затрудни-

тельна борьба съ расколо-сектантствомъ; что остановившись въ своихъ сужденіяхъ только на вопросахъ, касающихся иновѣрія, и не коснувшись положенія православной церкви, Особое Совѣщаніе взяло бы на свою душу тяжелый грѣхъ предъ общею нашею матерію — православной церковью. Не надо забывать, говорилъ С. Ю. Витте, что у нашего народа, у этой 120 миллионной массы, есть только два сокровища, которыми онъ живетъ: одно—это земля и то небольшое, что онъ отъ нея получаетъ, другое — его живая вѣра, которая облегчаетъ тяжесть земной ноши, даетъ ему силу мириться съ горестью жизни. И страшно, какъ бы намъ не лишить народъ этого, самого дорогого для него сокровища. Съ своей стороны Высокопреосвященный Антоній указалъ на то, что нѣкоторыми изъ облегченій, предполагаемыхъ для старообрядцевъ и сектантовъ, не пользуется православная церковь, и что въ случаѣ осуществленія проекта она можетъ утратить свое господствующее положеніе. Обнародованныя 17 апр. извѣщенія изъ журнала комитета министровъ показываютъ, насколько правъ былъ владыка. Дарованіе старообрядческимъ и сектантскимъ общинамъ внѣшнихъ гражданскихъ правъ, при неприкосновенности ихъ внутренняго общиннаго самоуправления, несомнѣнно давало имъ громадное преимущество передъ господствующею церковью, лишенною самоуправления. Представитель православной церкви, выразивъ свое сочувствіе отмѣнѣ всякихъ насилій, стѣсняющихъ религіозную совѣсть, обязанъ былъ заявить и о настоятельныхъ нуждахъ своей церкви. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ одинаково явился на высотѣ своего призванія.

Заявленія предсѣдателя и митрополита вызвали живое сочувствіе среди членовъ Особого Совѣщанія. Въ виду этого предсѣдатель предложилъ Совѣщанію возбудить въ установленномъ порядкѣ вопросъ о томъ, что надлежитъ сдѣлать, чтобы устранить высказанныя опасенія. Такъ какъ въ этомъ вопросѣ наиболѣе компетентнымъ лицомъ былъ митрополитъ Антоній, то предсѣдатель комитета министровъ обратился къ нему съ предложеніемъ высказать свои соображенія. По сообщенію *Разсвѣта*, подтверждаемому въ письмѣ преосв. Сергія къ С. Шарапову, послѣ этого собранія С. Ю. Витте пріѣхалъ къ Высокопреосвященному Антонію, съ отряднымъ извѣстіемъ, что получилъ отъ Верховной Власти полномочіе

возбудить въ своемъ Особомъ Совѣщаніи вопросъ о преобразованіи управленія господствующей церкви, и просилъ владыку изложить по пунктамъ „требованія и чаянія церковной іерархіи“. Въ виду этого, подъ руководствомъ Высокопреосвященнаго Антонія, наличнымъ составомъ канонистовъ и профессоровъ церковной исторіи и гомилетики Петербургской Духовной Академіи была составлена записка о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной церкви. Указавъ на то, что автономія въ церковной жизни отдѣлившихся отъ православія, при провозглашеніи вѣротерпимости, неминуемо должна создать для старообрядчества и сектанства болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ то, какимъ пользуется православная церковь, записка находитъ нужнымъ внести слѣдующія преобразованія въ постановкѣ православной церкви: а) устранить или хотя бы нѣсколько ослабить постоянную опеку и слишкомъ бдительный контроль свѣтской власти надъ жизнью церковной и надъ дѣятельностью церковнаго правительства, даровавъ церкви ббльшую свободу въ управленіи ея внутренними дѣлами, б) въ цѣляхъ усиленія вліянія духовенства на народъ предоставить священникамъ права непремѣнныхъ членовъ общественно-государственныхъ учреждений, находящихся въ ихъ приходахъ, и высшимъ представителямъ іерархіи право участія въ высшихъ государственныхъ и законодательныхъ учрежденіяхъ, в) признать за приходомъ права юридическаго лица и г) для внесенія нѣкоторыхъ преобразованій церковнаго строя въ смыслѣ децентрализаціи церковнаго управленія, образовать особое совѣщаніе изъ представителей церковной іерархіи съ участіемъ свѣдущихъ лицъ изъ духовенства и мірянъ (Слово за 24 марта).

Ближайшія обстоятельства, давшія поводъ къ составленію записки митрополита Антонія, довольно живо чувствуются въ ней. Этими поводами были, съ одной стороны, ожидавшееся объявленіе вѣротерпимости и, съ другой, — то довольно фальшивое положеніе, — положеніе „между небомъ и землей“, какое заняло наше духовенство въ отношеніи къ общественному движенію и между прочимъ къ событію 9 января. Повятно отсюда, почему въ запискѣ на первомъ планѣ выступаетъ желаніе съ одной стороны уменьшить вліяніе государственной власти на церковную жизнь и съ другой сто-

роны усилить воздѣйствіе церковной власти на общественную жизнь. Выдвинуть эту именно сторону церковной реформы побуждало конечно и то, что комитетъ министровъ, куда была направлена эта записка, былъ компетентенъ лишь въ вопросѣ о государственномъ положеніи церкви и не могъ брать на себя задачи устройства внутренняго церковнаго управления. Вотъ почему положительная сторона реформы здѣсь остается въ тѣни. По мысли записки она могла быть плодомъ дѣятельности особаго совѣщанія изъ представителей іерархіи, духовенства и мірянъ. Здѣсь нѣтъ рѣчи и о помѣстномъ соборѣ. Самымъ существеннымъ въ запискѣ Высокопреосвященнаго Антонія представляется первый пунктъ. Если можно спорить о томъ, необходимо ли для пользы церкви усиленіе престижа и вишняго авторитета духовенства, *узаконеніе* его вліянія на общество и народъ, то независимость внутренней жизни церкви отъ государственнаго вмѣшательства составляетъ необходимѣйшее условіе для осуществленія церковью ея вѣчныхъ и высокихъ задачъ.

Одновременно, по заведенному порядку, и канцеляріей комитета министровъ былъ изготовленъ необходимый матеріалъ для обсуждения поднятыхъ вопросовъ по источникамъ, указаннымъ митрополитомъ Антоніемъ. Кромѣ того была составлена записка самимъ предсѣдателемъ комитета, опубликованная въ *Словѣ* (28 марта). Въ порядкѣ вещей, что предсѣдатель, желая быть на высотѣ своего положенія, счелъ необходимымъ самостоятельно изучить вопросъ и представить свои личныя соображенія членамъ Совѣщанія. Составлена ли была записка С. Ю. Витте одновременно съ запиской митрополита Антонія или по ознакомленіи съ нею, газеты не даютъ объ этомъ согласныхъ извѣстій. Во всякомъ случаѣ программа намѣчаемыхъ въ ней церковныхъ преобразованій гораздо шире, глубже и радикальнѣе, чѣмъ предполагалось запиской митрополита. Отмѣтивъ сильный упадокъ въ современной церковной жизни, общую вялость ея, отчужденіе прихода и общества отъ своихъ духовныхъ руководителей, слабость пастырской дѣятельности, полный упадокъ церковной общины, сухость и формальность епархіальнаго, „консисторскаго“ дѣлопроизводства и узко-бюрократическій характеръ дѣятельности синодскихъ учрежденій, авторъ записки видитъ причины всего этого въ исчезновеніи собор-

наго начала въ нашей церковной жизни и церковномъ управленіи со времени Петра I. Св. Синодъ есть не соборное, а коллегіальное учрежденіе, такъ какъ въ немъ присутствуютъ не представители, свободно избранные церковью или хотя бы епископами, а іерархи, назначаемые правительствомъ, вслѣдствіе чего онъ представляетъ собою не „правительство церковное, а государственное бюрократическое управление“. Въ епархіальномъ управленіи въ замѣну древняго собора пресвитеровъ учреждены консисторіи—бюрократическія коллегіи съ 4—5 членами изъ духовенства, назначаемыми синодомъ по выбору епископовъ, и съ свѣтскимъ чиновникомъ—руководителемъ. Наконецъ, въ приходской жизни прихожане не принимаютъ почти никакого участія ни въ избраніи священника, ни въ завѣдываніи церковнымъ имуществомъ и благотворительно-просвѣтительными приходскими учрежденіями. Все это явилось слѣдствіемъ намѣренія правительства—въ цѣляхъ полной государственной централизаціи превратить церковь въ составную часть государственнаго механизма, ради чего правительство не останавливалось и передъ тѣмъ, чтобы превратить пастыря въ агента полицейскаго надзора, чѣмъ подорвало всякое довѣріе пасомыхъ къ пастырю и ихъ нравственную связь съ нимъ. Средства для оживленія церковной жизни авторъ записки видитъ въ восстановленіи выборнаго начала въ приходской жизни и самоуправленія приходской общины, въ восстановленіи епархіальныхъ собраний, объединяющихъ приходскія единицы, въ реформѣ духовной школы, въ устраненіи насилія свѣтской власти надъ церковною жизнью и, какъ первое ближайшее средство,—въ созывѣ помѣстнаго собора, не только изъ епископовъ, но и изъ представителей блага духовенства и мірянъ. Чтобы соборъ этотъ представилъ собою дѣйствительно голосъ всей русской церкви, онъ не можетъ быть замкнутою архіерейскою коллегіею, которая есть явленіе не каноническое. Какъ вселенскіе, такъ и помѣстные соборы были не коллегіями іерарховъ—епископовъ, но собраніемъ всѣхъ лучшихъ силъ церкви—какъ клира, такъ и мірянъ. На такомъ помѣстномъ соборѣ и долженъ быть разсмотрѣнъ вопросъ о тѣхъ необходимыхъ измѣненіяхъ въ строѣ церковной жизни, которыя, дали бы возможность церкви стать на надлежащую высоту и получить необходимую свободу дѣйствія.—Какъ со-

общаетъ *Слово* изъ хорошо освѣдомленнаго источника, Высокопреосвященный Антоній въ бесѣдѣ съ столичнымъ духовенствомъ назвалъ записку С. Ю. Витте „прекрасной“. Благопріятное впечатлѣніе произвела она и на остальныхъ ознакомившихся съ нею іерарховъ. Они нашли въ ней выраженіе истинно-церковныхъ взглядовъ. Все это вполне естественно, если принять во вниманіе, что записка была составлена главнымъ образомъ при помощи лучшихъ трудовъ профессоровъ духовныхъ академій (особенно проф. Заозерскаго).

Свою записку С. Ю. Витте разослалъ въ напечатанномъ видѣ всѣмъ членамъ комитета министровъ, назначивъ на 17 марта засѣданіе по этому вопросу. Но оберъ-прокуроръ Св. Синода, неожиданно узнавъ о предпринятой безъ его вѣдома реформѣ церковнаго управленія, особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ исходатайствовалъ изъятіе вопроса о церковной реформѣ изъ вѣдѣнія Особаго Совѣщанія комитета министровъ для передачи его въ Св. Синодъ. „Такъ разыгралось *qui pro quo*, добавляетъ *Слово*. Церковь просила свѣтскую власть вернуть ей автономное управленіе, а Оберъ-Прокуроръ, во имя церковной автономности, просилъ въ этой просьбѣ отказать“.

Требовалась ли существомъ дѣла передача вопроса о церковной реформѣ изъ комитета министровъ въ Св. Синодъ? Записка митрополита Антонія ставить на обсужденіе не внутреннюю жизнь церкви, а отношеніе государства къ церкви и къ ея представителямъ. Государство присвоило себѣ въ церковной жизни права, которыя само оно не можетъ не считать принадлежащими церкви. Вернуть эти права церкви можетъ лишь само государство. Вотъ что писалъ по этому поводу К. П. Побѣдоносцевъ въ Московскомъ Сборникѣ. „Если хотять, чтобы государство отказалось отъ права поставлять пастырей церкви и отъ обязанности содержать ихъ,— это будетъ идеальное состояніе, къ которому желательно перейти, которое нужно готовить къ осуществленію при благопріятныхъ обстоятельствахъ и въ законной формѣ. Когда этотъ вопросъ созрѣетъ, государство, если захочетъ такъ рѣшить его, обязано возвратитъ кому слѣдуетъ право выбора пастырей и епископовъ... Государство, въ сущности, только держитъ за собой это право, но оно ему не принадлежитъ“

(стр. 9). Такимъ образомъ комитетъ министровъ, получившій отъ Государя полномочія обсудить мѣры къ осуществленію намѣченныхъ Государемъ преобразованій государственнаго строя, былъ вполне компетентенъ въ вопросѣ объ отношеніи государства къ церкви, какъ поставленъ онъ былъ въ запискѣ Высокопреосвященнаго Антонія. Предсѣдатель комитета министровъ, не ограничившись отрицательной стороною вопроса, именно выясненіемъ отношенія церкви къ государству, коснулся и положительной стороны церковной жизни, указавъ средство для оживленія ея въ помѣстномъ соборѣ. Указать это средство и ходатайствовать о немъ передъ Государемъ комитетъ министровъ былъ въ полномъ правѣ, такъ какъ разрѣшеніе на созваніе собора должно исходить отъ Высочайшей власти. И конечно во имя принципа соборности противъ желательности собора можно возразить такъ же мало, какъ во имя автономности церковной противъ освобожденія церкви отъ государственнаго вмѣшательства. Итакъ вопросъ о церковной реформѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предлагался записками митрополита Антонія и С. Ю. Витте, вполне подлежалъ компетенціи комитета министровъ и нисколько не нарушалъ даже самой идеальной, для насъ необычной автономіи церкви. Равнымъ образомъ и будущее народное представительство не выйдетъ изъ круга своихъ правъ и обязанностей, если будетъ ходатайствовать передъ правительствомъ о созывѣ церковнаго собора и дарованіи автономіи церкви.

Съ перенесеніемъ дѣла о церковныхъ преобразованіяхъ въ Св. Синодъ, прежде чѣмъ подвергнуть его обсужденію на синодальномъ засѣданіи, К. П. Побѣдоносцевъ разослалъ членамъ Синода особую записку, представлявшую собою возраженія на записку С. Ю. Витте. О содержаніи этой контръ-записки мы узнаемъ изъ газеты *Русь* (5 мая), которая приводитъ изъ нея не мало точныхъ выдержекъ. По мнѣнію К. П. Побѣдоносцева, предложенныя С. Ю. Витте церковныя реформы клонятся, „подъ предлогомъ освобожденія церкви, къ существенному ослабленію этой связи (между церковью и государствомъ), въ результатахъ своихъ угрожающему великой опасностью церкви и государству“. Реформа Петра вовсе не была пагубна для церкви. Какъ извѣстно, патріаршество устроено было въ Россіи не ради внутренней по-

требности, но ради возникшей въ Москвѣ политической мечты водворить на Руси порядки византийскаго высшаго церковнаго управленія; желали имѣть, какъ въ актахъ говорится, для церкви новаго Константина, а Москву хотѣли видѣть третьимъ Римомъ. Событія въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія показали, что патриаршее правленіе опасно для государства, и потому въ дѣляхъ самозащиты, государству не оставалось иного исхода, какъ уничтожить патриаршее правленіе и замѣнить его соборнымъ; но сѣзжаться въ Россіи, при ея обширности и безпутьѣ, хотя разъ въ годъ, какъ требуется канонами, было невозможно, а потому явилась необходимость учредить постоянный соборъ, въ формѣ Св. Синода. Всеобщее невѣжество въ дѣлахъ церкви и вѣры было причиною того, что въ царствованіе Павла I въ официальномъ государственномъ актѣ императоръ наименованъ былъ главою церкви—*названіе, не получившее* впрочемъ официального значенія и дѣйственной силы. Но затѣмъ въ XIX столѣтіи, по мѣрѣ постепеннаго смягченія нравовъ и расширенія правъ, ничто уже не препятствовало церкви, ограждаемой государствомъ, усилить и расширить свое духовное вліяніе въ народѣ и обществѣ. Теперь жалуются, что просвѣтительная и духовно-назидательная дѣятельность церкви стѣсняется, сравнительно съ иновѣрцами, въ своей автономіи опекою государства и контролемъ свѣтской власти надъ жизнью церковной. Но безъ чиновниковъ церкви не обойтись: „церковное управленіе несомнѣнно обязано подчиняться общимъ государственнымъ законамъ и нуждается поэтому въ специальныхъ знаніяхъ, нуждается въ содѣйствіи специалистовъ разнаго рода, инженеровъ, архитекторовъ и т. п.“ Указываютъ на устраненіе изъ церковной жизни основнаго начала соборности, какъ главнаго принципа церковнаго управленія. Но въ чемъ же тутъ стѣсненіе со стороны государства? „Правда, въ первой половинѣ 19 столѣтія бывалъ запретъ епископамъ сѣзжаться, но объ немъ давно уже нѣтъ помину, и въ послѣднія 25 лѣтъ по распоряженію Синода устраивались неоднократно соборы помѣстныхъ церквей, именно въ Казани, въ Кіевѣ и въ Иркутскѣ“. Стѣсненіемъ признается, повидимому, учрежденіе духовныхъ консисторій, служащее „бюрократическою замѣною древняго собора пресвитеровъ?“. Но учрежденіе это „было

по необходимости вызвано тѣмъ же крайнимъ усложненіемъ переписки по дѣламъ того же церковнаго управленія въ соприкосновеніи ихъ съ дѣлами общаго гражданскаго управленія, и работниками этой переписки по необходимости стали чиновники и свѣтскія люди,—а эта переписка размножаясь доходитъ въ иныхъ консисторіяхъ до 20,000 исходящихъ бумагъ въ годъ. Какъ же обойтись безъ нея? Напрасно, по мнѣнію автора, возлагается на государство вина разоренія самостоятельной приходской единицы. Дѣйствительные факты исторіи показываютъ противное, и первая забота о возстановленіи прихода принадлежитъ не кому иному, какъ государству. Указываютъ на недочеты духовной школы. Но „наши духовно-учебныя заведенія состоятъ совершенно въ вѣдѣніи Св. Синода, и учрежденный при немъ духовно-учебный комитетъ, состоя изъ духовныхъ лицъ и профессоровъ духовныхъ академій, служить для Св. Синода пособіемъ для необходимаго формальнаго производства и для исполненія порученій Св. Синода, слѣдовательно отъ Св. Синода зависитъ дать желаемое направленіе обученію и воспитанію въ духовной школѣ“. Осуждаютъ преобразователя Россіи и за то, что онъ возложилъ на духовенство будто бы полицейско-сыскное дѣло, что священникъ долженъ слѣдить за правильнымъ показаніемъ податныхъ душъ. „Освобожденіе отъ этой повинности было бы благодѣяніемъ для духовенства и несомнѣнно когда-нибудь оно наступитъ,—но оно зависитъ не отъ одной воли правительства. Веденіе метрическихъ записей и списковъ, повсюду предоставленное особому разряду чиновниковъ, потребовало бы, въ случаѣ введенія такого порядка у насъ, миллионныхъ расходовъ, кои не подъ силу нашимъ средствамъ, и новыхъ учрежденій, кои весьма трудно устроить всюду на русской территоріи“. Наконецъ, предлагаютъ, чтобы голосъ церкви слышенъ былъ въ государственномъ управленіи, предоставить высшимъ представителямъ церковной іерархіи участіе съ правомъ голоса въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, комитета министровъ и подобныхъ (?) высшихъ государственно-законодательныхъ учрежденій. Но вопросъ этотъ возникалъ уже въ 1862 г., возбужденный министромъ вв. д. Валуевымъ, и подвергался обсужденію, причемъ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ „высказано было мудрое, на опытѣ и знаніи дѣла основанное, мнѣніе, что это ново-

введеніе послужить не къ пользѣ церкви и можетъ только повредить самостоятельности ея сужденій въ вопросахъ, вѣдѣнію церковному подлежащихъ“.

На всѣ эти возраженія К. П. Побѣдоносцева противъ необходимости церковныхъ реформъ въ скоромъ времени появился отвѣтъ С. Ю. Витте. О содержаніи его сообщено тою же *Русью* (за 5 мая). Въ этомъ отвѣтѣ авторъ прежде всего отмѣтилъ, что положенный въ основу записки тезисъ, что со времени Петра I русская церковь вступила на невѣдомый дотолѣ православной церкви путь церковнаго управленія, оставленъ безъ возраженія. Фраза, что „Синодъ есть постоянный соборъ“, не подтвержденная никакими соображеніями, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить возраженіемъ противъ достаточно обоснованной мысли, что Синодъ въ настоящемъ его видѣ—при отсутствіи представительства отъ мѣстныхъ церквей есть не болѣе какъ бюрократическая коллегія. Фактъ отпаденія русской церкви отъ „канона“ остается фактомъ. Церковь должна руководствоваться въ своемъ управленіи не тѣми или иными человѣческими измышленіями, хотя бы и искусно придуманными, а единственно правилами апостоловъ и вселенскихъ соборовъ. Въ какихъ бы мрачныхъ краскахъ ни рисовалась церковная жизнь нашего патріаршаго періода, она все же не давала основаній къ разрыву съ церковнымъ преданіемъ и переустройству церковнаго управленія по протестантскимъ образцамъ. Случайные сѣзды нѣсколькихъ архипастыррей въ Казани, Москвѣ, Иркутскѣ, не могутъ быть названы помѣстными соборами, такъ какъ на послѣднихъ должны быть представители отъ всѣхъ епархій данной церкви. Сторонникъ нынѣшняго строя отказывается идти далѣе понятія непосредственнаго „стѣсненія высшаго церковнаго управленія и дѣятельности духовенства со стороны государственной власти“. Онъ отказывается видѣть гнетъ тамъ, гдѣ нѣтъ полицейскаго стѣсненія. И это послѣ того, какъ отмѣченъ цѣлый рядъ такихъ фактовъ церковной политики, какъ изгнаніе изъ высшаго и епархіальнаго управленія принципа соборности и мѣстнаго представительства; прекратившійся созывъ помѣстныхъ соборовъ; сообщеніе сухо-бюрократическаго характера дѣятельности Синода и епархіальному управленію; лишеніе церковной общины права избранія себѣ епископовъ

и пресвитеровъ, права распоряженія церковнымъ имуществомъ и всякаго почина въ приходскомъ управленіи; сухое направленіе школы; несеніе духовенствомъ полицейско-сыскныхъ обязанностей; необходимость жить поборомъ; и такія явленія государственной жизни, какъ чрезмѣрное развитіе государственной централизаціи, убившей всякіе слѣды общины и вообще мѣстной инициативы,—всѣ такіе факты, печальнаго, гнетущаго вліянія которыхъ на церковную жизнь никто не рѣшится отрицать. Говорятъ, что консисторіи необходимы для разсмотрѣнія 20,000 бумагъ. Но это бумажное море пошло оттого, что въ „епископскомъ соборѣ“ неправильно сосредоточили, въ силу принциповъ государственной централизаціи, всѣ приходскія дѣла, вплоть до разрѣшенія починить развалившуюся ограду церкви, вслѣдствіе чего замерла и свелась на нѣтъ дѣятельность приходской общины, образовалось бумажное море въ консисторіяхъ и бумажная стѣна въ архіерейскомъ кабинетѣ, которая мѣшаетъ архипастырю войти въ живую связь съ паствой. Частичныя мѣры къ упорядоченію приходской жизни ничего не могли сдѣлать, если вся общественная атмосфера дѣйствовала гнетущимъ образомъ, если развивавшееся крѣпостное право и гоненіе на общинную жизнь и всякую мѣстную инициативу уничтожали въ корнѣ возможность развитія приходской общественной жизни. Возложеніе на духовенство полицейско-сыскныхъ обязанностей, сыгравшее такую печальную роль въ исторіи прихода, окончательно разъединившее пастыря съ паствой, признается сторонникомъ нынѣшняго строя дѣломъ необходимости, за неимѣніемъ у казны средствъ учредить для того особыхъ должностныхъ лицъ. А обязанность доносить объ открытых на исповѣди вредительныхъ для государства вещахъ авторъ совѣтуетъ забыть, какъ устарѣвшее правило. Совѣтъ забыть неотмѣненный законъ, конечно, не особенно вразумителенъ; необудительна и ссылка на неимѣніе у казны средствъ, чтобы завести отдѣльныхъ сыскныхъ агентовъ и регистраторовъ. Но насколько извѣстно, по этому предмету оберъ-прокуроры не входили съ ходатайствомъ въ подлежащее вѣдомство; а затѣмъ, если бы недостатокъ средствъ и побудилъ правительство возложить полицейскія обязанности на какое-либо существующее должностное лицо, чтобы не плодить новыхъ,

то во всякомъ случаѣ нужно было возложить ихъ на мѣстные полицейскіе органы, или на кого угодно другого, но только не на пастырей душъ. Вообще аргументація сторонника нынѣшняго строя, продолжаетъ С. Ю. Витте, основана на подборѣ единичныхъ случаевъ и фактовъ. Почти вся ея фактическая сторона однородна съ диссертацией чиновника синодальной канцеляріи Рункевича, именно съ тѣми главами, о которыхъ имѣлось подробное обоснованное сужденіе въ совѣтѣ профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи. Здѣсь было доказано пристрастное отношеніе автора къ историческому матеріалу, а епископъ Сергій заявилъ между прочимъ: „каноническая оцѣнка Синода совершенно игнорируется Рункевичемъ... Есть возможность думать, что авторъ потому не говоритъ о каноническомъ смыслѣ и достоинствѣ Петровской реформы, что для него церковь—не Божественное учрежденіе съ незыблемыми, неприкосновенными основами, а лишь извѣстное вѣдомство въ государствѣ, съ которымъ, поэтому, государство можетъ совершенно не церемониться“. Говорятъ, наконецъ, будто реформаторскія пожеланія клонятся къ существенному ослабленію связи между церковью и государствомъ, въ результатахъ угрожающему великой опасностью и церкви, и государству. Но если бы тѣ порядки, къ которымъ предлагаютъ возвратиться, были дѣйствительно гибельными, то Византія не мирилась бы съ ними въ теченіе свыше 1000 лѣтъ, а церковь не процвѣтала бы въ это время.

Одновременно съ полемикой двухъ государственныхъ мужей по церковному вопросу появилась уже извѣстная нашимъ читателямъ записка группы петербургскихъ священниковъ о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи, имѣвшая первоначальное оглавленіе: „о неотложности возстановленія канонической свободы православной церкви въ Россіи“. По имѣющимся въ нашей редакціи достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, мысль о церковной реформѣ явилась въ средѣ наиболѣе передовыхъ и просвѣщенныхъ священниковъ не сразу и совершенно независимо отъ шаговъ, предпринятыхъ въ высшихъ сферахъ. Переживъ вблизи и живо почувствовавъ январскіе ужасы, они болѣе, чѣмъ кто-либо, желали услышать подлинный, независимый отъ политическихъ соображеній голосъ церкви, который указалъ

бы пастырямъ ясный и прямой путь при крайне тяжелыхъ обстоятельствахъ современной жизни. Съ своими недоумѣніями и желаніями они обратились къ Высокопреосвященному Антонію. Это было еще 14 февраля. Владыка, какъ и слѣдовало ожидать, отнесся сочувственно къ заявленію священниковъ, сказавъ имъ, что онъ и самъ болѣе тѣмъ же, чѣмъ и они. О томъ, что въ это время въ комитетъ министровъ былъ уже возбужденъ вопросъ о положеніи православной церкви, священникамъ было неизвѣстно. Не ограничиваясь устнымъ заявленіемъ своему Владыкѣ, группа священниковъ рѣшила изложить свои соображенія въ особой запискѣ. Такъ какъ предметъ, затрогиваемый ими, былъ новъ и въ значительной степени щекотливъ, то приходилось выражать свои мысли осторожно, чтобы не испортить дѣла въ самомъ началѣ. Отсюда естественно явилась нѣкоторая недоговоренность и неполнота. Не затрогивая заразъ всѣхъ необходимыхъ переменъ въ церковной жизни, они прежде всего высказались за неотложную нужду ввести церковное самоуправленіе на каноническомъ началѣ соборности, какое можетъ быть достигнуто лишь чрезъ нарочито для сего созванный помѣстный соборъ русской церкви. Свою записку группа священниковъ представила Митрополиту Антонію съ особымъ письменнымъ обращеніемъ къ нему за подписью всѣхъ членовъ группы. Въ немъ они между прочимъ писали. „Современное положеніе столичнаго духовенства, а равно и пастырей всей Россіи, невыносимо тяжело... Отъ насъ требуютъ положительнаго и яснаго отвѣта на поставленные современностью неотложные вопросы общественной жизни. Каждый пастырь въ отдѣльности, обратившись къ своей совѣсти, могъ бы дать этотъ отвѣтъ; но отъ насъ требуютъ не нашего личнаго мнѣнія, а голоса всей церкви, въ которой желали бы видѣть святую учительницу жизни. И пастырь молчитъ. Печальный опытъ отдѣльныхъ попытокъ доказалъ ему, что онъ одинаково возбуждаетъ неудовольствіе и соблазнъ многихъ. Опаснѣе всего то, что голоса отдѣльныхъ представителей церкви въ эти моменты возбужденнаго состоянія общественной мысли больше, чѣмъ когда-либо въ другое время, склонны отождествлять съ голосомъ всей православной церкви, ошибки и недоумѣнія личности ставить въ вину вѣчной истинѣ... Въ эту тяжелую годину

намъ необходимо полное церковное единеніе, нужно слышать голосъ всей русской церкви, голосъ церковнаго сознанія, передъ авторитетомъ котораго склонится и пастырь, и пасомый“. Въ заключеніи обращенія священники просятъ Владыку употребить свое вліяніе на то, чтобы немедленно былъ созванъ церковный соборъ изъ епископовъ вмѣстѣ съ пастырями, свободно избранными отъ каждой епархіи, и представителями отъ мірянъ (Слово за 5 апр.). Мы не знаемъ, какое вліяніе оказала записка Петербургскихъ священниковъ на членовъ Св. Синода. Преосвящ. Сергіи говоритъ въ письмѣ къ С. Шарапову, что она не могла быть ни стимуломъ, ни программой Синодскихъ разсужденій, и что сомнительно даже, чтобы она вносила въ обсужденіе Синода (*Русское Дѣло* № 15). Несомнѣнно однако, что въ вопросѣ объ автономіи церкви и о необходимости церковнаго собора, желанія членовъ Св. Синода совпали съ желаніями лучшаго петербургскаго духовенства.

Такимъ образомъ предъ обсужденіемъ вопроса о церковной реформѣ въ Св. Синодѣ, у членовъ Синода былъ уже довольно значительный матеріалъ, освѣщавшій вопросъ съ разныхъ сторонъ. Какъ и слѣдовало ожидать, они высказались за реформу. На состоявшемся около половины марта засѣданіи Синода единогласно было рѣшено ходатайствовать передъ Государемъ о разрѣшеніи созвать помѣстный соборъ русской церкви и о возстановленіи патріаршества (?). Присутствовавшій на этомъ засѣданіи вмѣсто оберъ-прокурора В. К. Саблеръ, „глядѣлъ съ вопне міне на то, что происходило“, и на слѣдующемъ засѣданіи говорилъ, что онъ искренно счастливъ, ибо его давнія мечты объ автономіи Русской церкви сбылись.

Слѣдуетъ весьма жалѣть, что до сихъ поръ не обнародованъ всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода. Изъ официальнаго сообщенія о резолюціи Государя на докладъ Св. Синода видно, что предметомъ его служило—созваніе собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи“. Здѣсь учрежденіе патріаршества представляется одною ихъ цѣлей, однимъ изъ вопросовъ будущаго церковнаго собора, который могъ конечно рѣшить его и утвердительно, и отрицательно. Между тѣмъ, всѣ газеты были переполнены извѣстіями о

томъ, что Св. Синодъ одновременно ходатайствовалъ о созваніи собора и учрежденіи патріаршества, самостоятельно рѣшивъ вопросъ о послѣднемъ и предоставляя собору избрать кандидата на существующій уже патріаршій престолъ. На всѣ эти газетныя сообщенія не послѣдовало никакихъ ни официальныхъ, ни частныхъ опроверженій. А письмо Преосв. Сергія къ С. Шарапову (*Русское Дѣло* № 15) подтверждаетъ, повидимому, извѣстіе о томъ, что Синодъ ходатайствовалъ не только о созваніи собора, но и объ учрежденіи патріаршества. Извѣстіе это встрѣчено было многими съ недоумѣніемъ. Въ печати и обществѣ заявляли, что Св. Синодъ, ходатайствуя объ учрежденіи патріаршества, взялъ на себя задачу, которая во имя принципа соборности принадлежала собору. И надо признать, что заявленіе это имѣло свое основаніе. Соборно-каноническій строй церкви не требуетъ обязательно патріаршества. Возможны и другія формы церковнаго управленія, не менѣе каноническія. Слѣдовательно вопросъ о патріархатѣ могъ быть рѣшенъ лишь соборомъ. Затѣмъ, еслибы даже патріархатъ и былъ единственной формой правильнаго церковнаго устройства, то и въ такомъ случаѣ его учрежденіе въ Россіи должно быть одновременно съ точнымъ опредѣленіемъ правъ патріарха, такъ какъ возможна такая регламентація патріаршихъ правъ, которая прямо противорѣчитъ соборно-каноническому строю. Но такъ какъ права патріарха могутъ быть опредѣлены лишь въ связи съ общей реформой церковнаго управленія, то и въ данномъ случаѣ учрежденіе патріаршества должно было подлежать компетенціи собора. Попытки нѣкоторыхъ іерарховъ разсѣять указанное недоумѣніе не могли вполнѣ успокоить печать и общество. Преосв. Сергіи въ письмѣ къ С. Шарапову, признавая, „формальныя неточности“ въ производствѣ дѣла, тѣмъ не менѣе находитъ, что Св. Синодъ поступилъ такъ, какъ онъ только и могъ поступить: церкви нуженъ соборъ и патріархъ; это можно и нужно рѣшить теперь же, даже не собирая для этой цѣли помѣстнаго собора, это рѣшено уже, такъ сказать, *per acclamationem* всѣмъ „гѣломъ церкви“, голосовать не нужно. Отвѣтить же на Царскій призывъ указать нужды заявленіемъ: соберите сначала помѣстный соборъ, а тамъ видно будетъ,—по мнѣнію Преосвященнаго, было бы измѣной церкви и церковному

дѣлу. Трудно согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго Преосвященнаго. Вѣдь увѣренность въ томъ, что извѣстная истина раздѣляется если не всѣми, то громаднымъ большинствомъ, увѣренность настолько сильная, что дѣлаетъ излишнею фактическую повѣрку дѣйствительнаго мнѣнія этого большинства, обыкновенно служитъ источникомъ или по крайней мѣрѣ оправданіемъ и бюрократическихъ распоряженій. Принципъ соборности именно и заключается въ отреченіи отъ привычки думать, желать и говорить отъ лица другихъ и за другихъ. Другой іерархъ говорилъ корреспонденту *Слова* (29 марта): теперь только нужно возстановить патріарха, правящаго совмѣстно съ соборомъ (не единолично), а подробности можно будетъ обсуждать цѣлые годы, вѣдь не нужно забывать, что дѣло идетъ лишь о выборѣ перваго патріарха, дальнѣйшее же отъ этого не зависитъ и не предрѣшается; что будетъ мѣшать москвичамъ требовать себѣ участія въ выработкѣ церковныхъ преобразованій, когда этимъ дѣломъ будетъ завѣдывать патріархъ? Разумѣется, обсуждать, рѣшать, требовать можно и по избраніи патріарха; но можно ли поручиться за то, что все это будетъ имѣть какой нибудь смыслъ, если, напримѣръ, Синодъ при патріархѣ будетъ лишь совѣщательнымъ органомъ, если по прежнему будетъ отсутствовать у насъ выборное начало, если созваніе собора будетъ зависѣть отъ воли патріарха, если рѣшенія собора будутъ недѣйствительны безъ согласія патріарха? Возможно, что всѣ подобнаго рода опасенія устраняются докладомъ Св. Синода. Однако пока докладъ этотъ остается неизвѣстнымъ для публики, трудно освободиться отъ нихъ. Тотъ же іерархъ въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ *Слова* объяснялъ ходатайство Св. Синода объ учрежденіи патріаршества тѣмъ, что члены Синода, обсуждая дѣло церковной реформы, чувствовали надъ собой дамокловъ мечъ и имѣли естественное желаніе какъ нибудь освободиться отъ стѣснявшаго ихъ оберъ-прокурорскаго давленія, чтобы потомъ спокойно и свободно обсудить и выработать проектъ всякихъ преобразованій. Говорили даже, что нѣкоторые „наиболѣе энергичные“ члены Синода прямо предлагали избрать патріарха теперь же, избрать Синодомъ. Объясненіе это дѣлаетъ многое понятнымъ. Человѣку, связанному по рукамъ, поневолѣ приходится изощряться. Но можно надѣ-

ятыся, что въ непродолжительномъ времени не будетъ никакой надобности въ подобныхъ обходныхъ путяхъ. Съ Божіею помощію дѣло освобожденія церкви совершится прямо, открыто, естественно.

Одновременность ходатайства Св. Синода о созваніи собора и учрежденіи патріаршества дало поводъ реакціонной печати обрушиться съ свойственною ей нетерпимостью и несдержанностью на самое дѣло церковной реформы. По понятнымъ причинамъ она усмотрѣла въ начавшемся церковно-преобразовательномъ движеніи чуть не революцію, пренебреженіе и игнорированіе интересами государства и народа, желаніе воспользоваться смутю въ Россіи для личныхъ цѣлей. Довѣрчивая къ непровѣреннымъ слухамъ и къ сплетнямъ всякаго рода она позволила себѣ оскорбительныя выходки противъ инициаторовъ реформы, особенно противъ Высокопреосвященнаго Антонія, предсѣдателя комитета министровъ и 32 петербургскихъ священниковъ, безъ всякаго основанія приписавъ имъ свои собственныя побужденія. Ей вторили люди, можетъ быть и искренне желающіе церковной реформы, но слишкомъ не сдержанные и слишкомъ довѣрчивые къ газетнымъ слухамъ. „Св. Синодъ“, писали *Московскія Вѣдомости* за 22 марта, съ необычайною поспѣшностью возбуждаетъ и торопится покончить вопросъ о ломкѣ всего, чѣмъ онъ еще мѣсяцъ назадъ столь спокойно жилъ. Но мыслимо ли *рѣшать* вопросы преобразованія при такомъ положеніи дѣлъ? Вѣдь въ этомъ выражается не только не серьезное отношеніе къ устройству страны, но говоря по-просту чисто личныя карьерныя стремленія на почвѣ реформаторства. Петербургское духовенство краснорѣчиво изъясняется о необходимости патріаршества и соборовъ. Но неужели оно не понимаетъ, что если есть въ духовенствѣ нравственная сила и связь съ народомъ, то оно *теперь* совсѣмъ иначе должно служить Царю и родинѣ? Безспорно, что тому, кто попадетъ въ патріархи, это будетъ весьма приятно. Но если Св. Синодъ увидитъ гибель единственнаго православнаго царства, то къѣмъ будетъ править Святѣйшій Патріархъ? У насъ теперь одинъ вопросъ: война и побѣда. Теперь прямая обязанность правительственныхъ сферъ устремить свое вниманіе не на безплодные труды канцелярской „революціи“ всего русскаго строя, не на

устройство себѣ патриаршихъ каѳедръ, а на войну“. Вопиственный духъ *Московскихъ Вѣдомостей* никакъ не можетъ понять, что выше запросовъ дѣя стоять вѣчные запросы духа, что надо освободить духъ, дать ему возможность раскрыть всѣ свои силы, и тогда всѣ злобы дѣя не представлять для него уже тѣхъ затрудненій, что дѣло Божіе выше и нужнѣе дѣла человѣческаго. Въ частности развѣ понять *Московскимъ Вѣдомостямъ* пытку истинныхъ пастырей, вынужденныхъ нынѣ говорить не то, что требуетъ ихъ совѣсть, служить не столько церкви, Христу, сколько государству и людямъ? Гораздо откровеннѣе изъяснился *Русскій Листокъ*. „Мы радовались, писалъ онъ за то же 22 марта, что хотя одна область въ нашей жизни остается въ настоящее время на мѣстѣ и функционируетъ болѣе или менѣе правильно. Несвоевременно обновлять нашу храмину и съ церковной стороны“. Онъ считаетъ записку священниковъ „самочиннымъ дѣяніемъ какой то общественной группы, пожелавшей воспользоваться обремененіемъ вниманія правительства множествомъ неотложно важныхъ дѣлъ и сорвать какой то выгодный гешефтъ“. Соборы, говоритъ онъ, бывали разные; бывали и разбойничьи соборы. Соборъ можетъ усилить смуту въ Россіи. И вообще все это—гапонизмъ, т. е. легкомысленная проблема отдѣленія церкви отъ государства.

23 марта въ собраніи частнаго кружка въ Москвѣ М. Новоселовъ прочелъ докладъ о воссозданіи живой церковности въ Россіи. Указавъ на то, что всеподданѣйшее ходатайство Св. Синода между прочимъ игнорируетъ политическое положеніе нашей родины, привлекающее все (?) вниманіе русскихъ людей къ трудной борьбѣ съ монгольскимъ востокомъ, докладчикъ предлагалъ просить Государя Императора: 1) объявить дѣломъ первой необходимости правильное устроеніе русской церкви немедленно *по окончаніи войны*, 2) не давать соизволенія на исполненіе постановленія Св. Синода, принявъ во вниманіе состояніе духа православнаго русскаго человѣка, который не можетъ въ настоящую минуту достоительно предаться дѣлу устроенія родной церкви, требующему всецѣлаго напряженія его умственныхъ и нравственныхъ силъ, тогда какъ любовь къ родинѣ влечетъ его мысли къ спасенію ея отъ вражескаго нашествія, 3) обра-

тить вниманіе архиастырей, пастырей и православныхъ мірянъ, ревнующихъ о благѣ церкви, подготовить соображенія о разныхъ сторонахъ церковной жизни. Уже въ этой резолюціи г. Новоселова чувствуется нѣкоторое внутреннее противорѣчіе: съ одной стороны онъ признаетъ невозможнымъ для русскаго человѣка заниматься во время войны вопросами о церковномъ устроеніи, когда все вниманіе его должно быть направлено на спасеніе отечества, съ другой стороны онъ считаетъ необходимымъ для православныхъ людей теперь же начать подготовительныя работы къ собору, требующія конечно значительнаго напряженія умственныхъ и нравственныхъ силъ. С. Шараповъ, послѣшивъ напечатать этотъ докладъ „чрезвычайной важности“ въ приложеніи къ № 11 *Русскаго Дѣла*, въ № 14 спохватился и выразилъ сожалѣніе относительно той части резолюціи г. Новоселова, гдѣ онъ требуетъ созыва церковнаго собора послѣ войны. Онъ объясняетъ появленіе ея тѣмъ, что М. Новоселовъ, подобно многимъ, находился подъ вліяніемъ ложныхъ газетныхъ извѣстій и не зналъ того, что мысль о созваніи собора принадлежала не Витте, а самому Государю. По мнѣнію С. Шарапова, церковная реформа никоимъ образомъ не можетъ быть отложена „до окончанія войны“, хотя бы уже потому, что самая война совсѣмъ иначе кончится при приходѣ, т.-е. при организованномъ народѣ, и при церкви свободной, чѣмъ безъ прихода и при бюрократическомъ духовномъ вѣдомствѣ. „Мы глубоко въ томъ убѣждены, пишетъ онъ, что нельзя ни на одинъ день затягивать созывъ помѣстнаго собора, ибо въ немъ, безъ всякаго преувеличенія, начало всего, въ немъ первый шагъ къ спасенію Россіи“. Нѣтъ сомнѣнія, что Шараповъ взглянулъ глубже на дѣло, чѣмъ Новоселовъ. Послѣдній, повидимому, самъ уже понималъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Въ № 17 *Русскаго Дѣла*, послѣ того, какъ стала извѣстна резолюція Государя, Новоселовъ выражаетъ уже тревогу, какъ бы дѣло церковной реформы, объ отложеніи которой онъ черезчуръ горячо ратовалъ, не было похоронено въ старомъ бюрократическомъ сундукѣ. Чтобы не дать коснымъ защитникамъ существующаго церковнаго строя затормозить исполненіе надеждъ православныхъ людей подъ предлогомъ царскаго отказа Св. Синоду въ немедленномъ созваніи помѣстнаго собора, онъ

приглашаетъ всѣхъ живыхъ членовъ церкви Христовой принести свою мысль, свое сердце, волю на дѣло благоустроенія церковнаго и заняться подготовительными работами, образовавъ особое Соборное Подготовительное Совѣщаніе съ правомъ доклада Государю и свободного сношенія со всѣми вѣдомствами. Онъ считаетъ необходимымъ *немедленное* образование такого Совѣщанія. Не легко понять, какимъ образомъ всѣ православные сыны церкви могутъ принести свою мысль, сердце и волю на подготовленіе дѣла устроенія церкви, когда война и теперь, не менѣе чѣмъ 23 марта, должна бы привлекать *все* вниманіе православныхъ русскихъ. Не легко понять, почему г. Новоселовъ, въ мартѣ мѣсяцѣ предпочитавшій оставаться при старыхъ церковныхъ порядкахъ до окончанія войны, можетъ быть въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, теперь такъ спѣшить съ образованіемъ Подготовительнаго Совѣщанія. Не игнорируется ли этимъ политическое положеніе нашей родины, не отвлекается ли этимъ вниманіе русскихъ отъ войны и т. д.? Повидимому, самъ г. Новоселовъ почувствовалъ, что онъ перешелъ границы, сыгравъ такимъ образомъ въ руку и открытымъ, и тайнымъ противникомъ церковной реформы. Если были всѣ основанія не слишкомъ спѣшить съ созывомъ собора, чтобы успѣть подготовить матеріалъ для него, то не было серьезныхъ причинъ ставить осуществленіе церковной реформы въ зависимость отъ хода войны.

25 марта въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* отчасти подъ вліяніемъ доклада М. Новоселова была напечатана статья подъ заглавіемъ: „церковный переворотъ“. Къ числу множества переворотовъ, писалось въ ней, и попытокъ къ переворотамъ, приводящихъ Россію во внутреннее безсиліе при борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, присоединился еще переворотъ церковный. А между тѣмъ Россія была убѣждена, что духовенство въ это тяжкое время смуты и войны помышляетъ лишь о томъ, чтобы умиротворить умы и помочь православному царству въ борьбѣ съ нахлынувшимъ монгольскимъ нашествіемъ... Ни міряне, ни духовенство, проникнутое любовью къ родинѣ, теперь прямо не въ состояніи обсуждать столь сложный церковный вопросъ, который неизбѣжно отвлекъ бы ихъ отъ заботъ о спасеніи отечества. Слишкомъ довѣрчиво относясь къ газетнымъ слухамъ, какъ

напр. объ отставкѣ К. П. Побѣдоносцева, о кандидатурѣ на патриаршій престолъ митрополита Антонія, о будущемъ Синодѣ, какъ совѣщательномъ органѣ, не зная о томъ, что на церковную реформу въ принципѣ было дано согласіе Государя, авторъ статьи не поскупился на рѣзкія и оскорбительныя выраженія по адресу инициаторовъ реформы, мало рекомендующія его.

Не избѣжали незаслуженныхъ упрековъ и авторы „записки 32-хъ“, и главное со стороны, откуда можно было менѣе всего ждать ихъ. Проф. Никольскій въ статьѣ: „почему 32?“ помѣщенной въ *Новомъ Времени* (28 марта), высказавъ не мало мыслей, заслуживающихъ полного вниманія, между прочимъ упрекаетъ авторовъ записки за то, что они не назвали себя. По его мнѣнію, въ крупныхъ вопросахъ необходимо, чтобы не было и тѣни недоразумѣній; иначе всегда останется мѣсто подозрѣнію, что дѣло идетъ не о пользѣ церковной, а идетъ борьба за власть, за личныя преимущества. Всѣ требуютъ, чтобы государственныя реформы совершались не въ интересахъ небольшого кружка лицъ, а по желанію всего народа, чрезъ опросъ выборныхъ представителей народа. Но въ церковной реформѣ, по мнѣнію автора, дѣло обстоитъ повидимому какъ разъ наоборотъ: 32 столичныхъ священника признали нужнымъ произвести перемѣны въ церкви. Автору страннымъ кажется, что 32 неизвѣстныхъ священника могли предрѣшить церковно-государственный вопросъ; 32 таинственныхъ священника устроили религіозную и церковную жизнь Россіи!!! Для насъ собственно непонятны всѣ эти упреки проф. Никольскаго, направленные именно противъ 32. Не ошибся ли профессоръ адресомъ? Во всякомъ случаѣ странно и несправедливо упрекать не только 32, но и 2 священниковъ, которые взяли бы на себя инициативу указать ненормальности въ церковномъ строѣ и свои соображенія къ ихъ устраненію. Развѣ полезно въ ожиданіи будущаго собранія народныхъ представителей запрещать частнымъ лицамъ и кружкамъ высказывать свои мысли по государственнымъ вопросамъ? Далѣе, какъ намъ извѣстно, въ письменномъ обращеніи къ митрополиту Антонію, приложенномъ къ запискѣ, были подписи всѣхъ членовъ группы. Открыть свое имя начальству и скрыть его отъ публики—

это скорѣе великодушный подвигъ, чѣмъ расчетливое укры-
вательство.

Всѣ эти оппозиціонныя нападки на инициаторовъ церков-
ной реформы, имѣвшія во многихъ случаяхъ политическую
подкладку, происходили въ то время, когда докладъ Св. Си-
нода находился на разсмотрѣніи у Государя Императора. За
ненадобностью онѣ прекратились сами собой, послѣ того
какъ опубликована была Высочайшая резолюція, отлагавшая
созваніе церковнаго собора до болѣе „благопріятнаго вре-
мени“.

16 мая.

Вѣротерпимость и церковный соборъ.

Съ запада получаютъ церковныя вѣсти, способныя выз-
вать тревогу въ православныхъ и толкнуть ихъ на шаги,
не соответствующіе достоинству православія. Ind. Belge сооб-
щаетъ, что послѣ изданія указа о вѣротерпимости уніаты
начали массами переходить въ католицизмъ. Въ одномъ
селѣ изъ 680-ти жителей 678 измѣнили религію. Въ Сѣд-
лецкой и Люблинской губерніяхъ за послѣднее время пере-
шли въ католичество 26 тысячъ уніатовъ (*Русск. Вѣд.* 16 мая).
Указъ вѣротерпимости, сообщаетъ Neue Freie Presse, вызвалъ
въ Прибалтійскомъ краѣ такое сильное движеніе среди
православныхъ въ пользу перехода въ лютеранство, что
мѣстныя власти возбудили вопросъ о мѣрахъ воспрепят-
ствованія массовому переходу въ лютеранство (*Русск. Вѣд.*
12 мая). Усиленное отпаденіе отъ православія оказалось для
нѣкоторыхъ столь неожиданнымъ, что его стали объяснять
насильственной пропагандой со стороны инославныхъ. Въ
своемъ воззваніи Холмское православное братство утвер-
ждаетъ, будто враги русской вѣры и русской народности
говорятъ и пишутъ въ листкахъ, что всѣ православные рус-
скіе люди будутъ изгнаны изъ холмскаго края, будто от-
ступники отъ православія, научаемые слугами костела, всѣми
способами, даже насильно, тянутъ теперь въ костелъ и тѣхъ,
кто остался вѣренъ своей родной русской церкви (*Моск. Вѣд.*
16 мая). Варшавскій генераль-губернаторъ въ особомъ опо-
вѣщеніи, предостерегая русскій народъ отъ нелѣпныхъ слу-
ховъ, также говоритъ о томъ, что въ цѣляхъ совращенія
въ католическую вѣру отпадшіе отъ православія обращаются

къ подговорамъ, насмѣшкамъ, угрозамъ и насиліямъ. Онъ напоминаетъ о томъ, что лишь православная церковь пользуется правомъ свободно распространять свое ученіе; лицамъ же прочихъ исповѣданій подѣ страхомъ уголовной отвѣтственности воспрещается склонять къ переходу кого бы то ни было въ ихъ религіи (*Русск. Вѣд.* 25 мая).

Всѣ эти вѣсти въ сущности не такъ печальны, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Православные, при первой возможности цѣлыми массами перешедшіе въ католичество и лютеранство, не были конечно искренними почитателями православія. Тѣмъ не менѣе мы такъ привыкли въ дѣлахъ вѣры дѣйствовать не на совѣсть, а на страхъ, что и эти факты могутъ вызвать въ нѣкоторыхъ сожалѣніе о шагѣ, сдѣланномъ 17 апрѣля. Даже о. Іоаннъ (Кронштадтскій) одинъ изъ признаковъ того, что Россія есть не только царство Божіе, но и царство сатаны, видитъ въ „допущеніи безнаказаннаго перехода изъ православія въ какую угодно вѣру, между тѣмъ какъ тотъ же Господь, Котораго мы исповѣдуемъ, въ Ветхомъ Завѣтѣ опредѣлялъ смертную казнь отвергшимся (Евр. 10, 28) закона Моисеева“ (*Моск. Вѣд.* 15 мая).

Однако мы не должны поддаваться этимъ внушеніямъ, навѣяннымъ не христіанствомъ, а іудаизмомъ. Мы не должны, подобно іудеямъ, набрасывавшимъ покрывало на законъ Моисеевъ, заслонять свѣтъ евангелія скрижалями несовершеннаго Ветхаго Завѣта. Для насъ авторитетъ теперь не Моисей, а Христосъ, приказавшій Петру вложить мечъ въ ножны, и на предложеніе учениковъ низвести огонь съ неба на селеніе самарянское отвѣтившій: „не вѣсте коего духа есте вы“ (Лук. IX, 55). Можно радоваться поэтому, что наше правительство, повидимому, не намѣрено отступить отъ принятаго рѣшенія. Министръ вн. д. издалъ циркуляръ губернаторамъ и градоначальникамъ, предписывающій, чтобы административныя власти не принимали никакихъ мѣръ, стѣсняющихъ свободное отправленіе общественнаго богослуженія всѣхъ старообрядцевъ и сектантовъ, не исключая штундистовъ, и направляли преслѣдованія лишь на тѣ проявленія вѣрованій, которыя связаны съ нарушеніемъ законовъ, уклоненіемъ отъ воинской повинности, неповиновеніемъ власти (*Русск. Слово* 18 мая).

Итакъ разъ навсегда оружіе въ защиту вѣры брошено нами. И мы къ нему уже не вернемся. Отнынѣ мѣсто его должно заступить „явленіе духа и силы“, разумѣмъ не пастьерскія и архипастьерскія посланія, не миссіонерскія бесѣды, не официальные проповѣди, не величественное и пышное богослуженіе, не внѣшній авторитетъ представителей церкви, а внутренніе дары, богатство духовныхъ силъ, подъемъ религіозныхъ и нравственныхъ силъ во всемъ тѣлѣ церкви, гдѣ ни одна крупица добра не осталась бы неизвлеченной и неиспользованной, гдѣ каждый вѣрующій, и іерархъ и мірянинъ, принесъ бы посильную лепту на дѣло Христово. Вызвать къ жизни и дѣятельности всѣ спавшія доселѣ духовныя силы въ народѣ дарованіемъ ему церковной самодѣятельности и инициативы—вотъ единственное средство къ укрѣпленію православія, вотъ цѣль, къ которой дружно должны направить свои усилія всѣ православные.

Надо надѣяться, что нашъ Государь, будучи преданнымъ сыномъ православной церкви, не оставитъ ее теперь въ затрудненіи и, снявши желѣзныя оковы съ старообрядчества и сектанства, сниметъ и съ православной церкви тѣ золотыя цѣпи, которыя, хотя и казались многимъ украшеніемъ, однако сковывали ее можетъ быть крѣпче желѣзныхъ. Старообрядцы, какъ слышно, уже готовятся нынѣшней осенью или зимой къ всероссійскому съѣзду, т.-е. собору. Давъ имъ свободу дѣйствія, Государь не замедлитъ развязать и руки православныхъ. Въ противномъ случаѣ это было бы нарушеніемъ нейтралитета не въ пользу православія. Логика понятій и вещей подсказываетъ, что указъ 17 апрѣля есть предвѣстникъ скорого освобожденія церкви, скорого наступленія „времени благопріятнаго“, скорого созыва церковнаго собора.

Но ожидаемая церковная реформа можетъ осуществить всѣ возлагаемыя на нее надежды лишь въ томъ случаѣ, если ей будетъ предшествовать дружная подготовительная работа, въ которой приняло бы участіе возможно больше силъ, и которая выяснила бы желанія по возможности всѣхъ членовъ православной церкви. Однако дѣйствительность пока не очень радуется намъ въ этомъ отношеніи. Горячо и повидимому энергично поддерживалась мысль о церковной реформѣ лишь въ мартѣ. Съ апрѣля же она видимо затихла

а теперь чувствуется даже нѣкоторое охлажденіе къ ней. Конечно волненіе, вызванное церковнымъ движеніемъ, не улеглось и ни въ какомъ случаѣ не уляжется. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ него недостаточно внесено энергіи и жизни. Люди, которые ближе всего стоятъ къ вопросамъ церковнымъ, отозвались на нихъ мало. Не говоря уже о нисшемъ духовенствѣ, наши архипастыри, за немногими исключеніями, отвѣтили на церковно-преобразовательное движеніе полнымъ молчаніемъ. Когда начиналось общественное освободительное движеніе наши пастыри и архипастыри въ большинствѣ своемъ заявили, что не считаютъ себя обязанными выступать въ роли совѣтниковъ по общественнымъ вопросамъ. Но чѣмъ оправдаютъ они свое молчаніе теперь, когда дѣло касается интересовъ церкви и вѣры? Чѣмъ они отвѣтятъ на упреки свѣтскаго общества въ равнодушномъ отношеніи къ дѣлу Христову даже теперь, когда самъ Государь призналъ необходимыми преобразованія въ церковной жизни, когда Св. Синодъ сдѣлалъ уже шагъ въ этомъ направленіи, когда все лучшее общество съ живымъ участіемъ и сочувствіемъ отнеслось къ церковнымъ реформамъ? Мы ждемъ отъ нихъ голоса, голоса открытаго и смѣлаго. Онъ долженъ быть заранѣе высказанъ, чтобы всѣ православные въ единомысліи, имѣя одно сердце и одну душу, совершали великое дѣло церковнаго преобразованія.

В. Мышцынъ.

26 мая.